

Татьяна Летова

Танюшкины
ЗВЁЗДЫ

Татьяна Летова
Танюшкины звёзды

«Логос»

2019

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)

Летова Т. И.

Танюшкины звёзды / Т. И. Летова — «Логос», 2019

ISBN 978-5-00143-072-8

Что такое мир детства? Это вселенная, в которой много тепла, доброты, веселья и фантазии. На страницах книги Татьяны Летовой звёзды становятся ближе, мечты реальнее, а виды за окном красивее. Писательница обладает богатым опытом общения с детьми, так как всю жизнь проработала педагогом дошкольного образования. Она научилась понимать своих воспитанников и узнала их самые сокровенные мысли. Это нашло отражение в рассказах, очень ярких, живых, правдивых. А опыт работы в газете «Подольский рабочий» и в журнале «Подолье» позволил Татьяне Летовой отточить писательское мастерство. Интересные сюжеты появились также благодаря стремлению автора понять и помочь ближнему, творить и созидать каждый день своей жизни. «Танюшкины звёзды» – сборник рассказов не только о детях, но и о взрослых, которые в душе остались детьми. Пусть вместе с ним в вашем сердце теплится огонёк детства, а мир видится радужным калейдоскопом света!

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00143-072-8

© Летова Т. И., 2019
© Логос, 2019

Содержание

Танюшкины звёзды	6
Новогоднее перемирие	10
Василёк и детский сад	15
Что такое детский сад?	15
Разговор с папой	16
«Светлячок»	17
Плаксивая Рита	18
Приглашение в группу	19
Сколько тут игрушек!	20
Василёк и зоопарк	22
Мы идём в зоопарк	22
Зверячий мир	23
Младшие братья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татьяна Летова
Танюшкины звёзды
Сборник рассказов

* * *

© Летова Т. И., стихи, 2019

© Издательство «Союз писателей», 2019

Танюшкины звёзды

Я так давно прошу маму сводить меня в звездонарий. Она неправильно называет дом, где показывают звёзды. Говорит, что это планетарий. Вот смешная. Но я с мамой не спорю, а просто знаю, как он правильное называется и всё. Мне об этом подружка Иринка в детском саду рассказывала. Почему только мама меня туда не ведёт? Непонятно. Всегда говорит, что ей некогда. А когда ей будет когда?

Однажды мама сказала мне, что наш папа улетел в космос, потому что работает космонавтом. Теперь я хочу знать о папиной работе всё. А где ещё можно узнать о космонавтах? Конечно, в звездонарии.

Думаю, что папа летает среди звёзд на своей космической ракете. Часто представляю, как он открывает дверь, резко и, хохоча, выпрыгивает наружу, широко расставив руки в стороны. Крепко привязанный толстой верёвкой к носу ракеты, он летает и летает себе в космосе. Зачем он это делает, пока не знаю.

Может быть, папа собирает звёзды для опытов? Насобирает их полный мешок и в свою ракету засовывает. А потом рассматривает каждую звёздочку, любит её. Самые симпатичные складывает в коробку. У меня тоже есть своя коллекция звёзд. Правда, мама называет их камнями и всё время обещает выбросить. Она просто не знает, что они падают с неба. Наверно, мне их папа оттуда бросает. А когда он прилетит домой, подарит ещё парочку новых звёзд. Как мне будет завидовать Ирка!

Сегодня за завтраком, ковыряя вилкой в тарелке, я изо всех сил старалась показать маме, как мне грустно. Она сидела напротив меня, ела свой любимый «Геркулес» и думала о чём-то. Моя мама маленькая и худенькая, но всегда говорит, что ей надо следить за своей фигурой. Как это следить? В фуражке и с биноклем, как пограничник?

Наконец мама обратила на меня внимание.

– Татьянус, ты что возишься? Давай быстрее, а то мы с тобой в садик опоздаем.

Мамочка часто называет меня Татьянусом. А ещё двуликим Татьянусом. Говорит, что я хитренькая и у меня два лица. Сколько ни рассматривала себя в зеркало, второго не видела.

– Я грущу.

– Почему? Что случилось? Может, тебя кто-то обидел?

– Нет, никто не обижал. Просто настроения нет, – сказала я, вздохнув, и добавила: – В звездонарий опять хочу.

Почему такая взрослая девочка, как я, должна всегда делать то, что не нравится: вставать рано утром, есть глазастую яичницу или скользкую кашу, чистить зубы, надевать колготки и идти в садик? Особенно не любила я советские противные коричневые колготки с растянутыми коленками. Интересно, взрослые тётки их носили? Почему не разрешают многое и не водят туда, куда давно хочется?

– Мы обязательно пойдём в планетарий, Танюш, я обещаю тебе.

– Ладно. А нас опять дядя Котофей повезёт в садик?

– Сколько можно тебе говорить, что его зовут Тимофей. Дядя Тимофей.

– Всё равно странное имя. Просто Котофей звучит смешнее. Как в сказке, которую ты мне читала. И усы у него такие же длинные, как у кота. Вот у моего папы-космонавта правильное имя – Владимир.

Мама вздохнула и поцеловала меня.

Мы с дядей Котофеем не дружим. Он не верит, что наш папа летает в космосе. А ещё не любит, когда девочки играют в космонавтов. Он часто мне указывает на кукол, мирно сидящих на диване в ожидании хозяйки, и напоминает, что пора бы снять мой космический шлем, который он называет ведром, и начать укачивать кукол. Когда Котофей в первый раз пришёл

к нам в гости, я вышла поздороваться. Я была в шлеме. Ну и что, если настоящего скафандра у меня пока нет? Его скоро привезёт папа из космоса. А дядя посмотрел на меня, поцокал языком, покачал головой и спросил:

– В снеговика играешь?

– Нет! В космонавта.

– А почему ведро на голове?

– Это шлем, не понятно, что ли? Как у моего папы. Он космонавт и сейчас летает в космосе.

– Девочки в космонавтов не играют! И в какой галактике летает папа?

– В самой лучшей! – сказала как отрезала я.

Мне стало обидно за мой шлем, за папу и ещё за какую-то галактику. И я решила сменить тему:

– А вы носите колготки на работу?

Услышав мой вопрос, дядя погрозил мне пальцем и потом долго говорил маме то ли о моём питании, то ли о воспитании. Его усы смешно прыгали, то поднимались, то опускались. Наверно, они забавно щекотали Котофея. Я расхохоталась. Мне показалось, что маме тоже будет очень весело. Но она взяла меня за руку и отвела в другую комнату.

Вечером, когда мама пришла за мной в детский сад, она попросила закрыть глаза. Я услышала, как щёлкнула замочком мамина сумка. Мама что-то доставала оттуда.

– Можно уже? – тихо спросила я.

– Пока нет.

– Ну можно уже? Теперь можно! – ответила сама себе я и открыла глаза.

Мама улыбалась и держала в руках два билета.

– Мы идём в звездопарий, мамочка?

– Да, Татьянус, в субботу мы идём с тобой в звездопарий!

Из детского садика мы не шли, а бежали. Во-первых, пошёл сильный дождь, а зонтик мама всегда забывает дома. А во-вторых, нам было очень весело.

Я всё время спрашивала, как там наши билеты в сумке. Не намочил ли их дождик? Но мама всё надёжно спрятала...

В субботу утром к нам пришёл Котофей. Он поводил усами из стороны в сторону и спросил:

– Ну, и где больная? Как же ты маму не уберегла-то, Татьяна?

– Мы... это. Мы до ниточки.

– До какой ещё ниточки?

– Так мама сказала, что мы до ниточки промокли. А до какой – не знаю.

Потом мы поили маму горячим молоком, давали ей лекарство и укрывали тёплым одеялом. Я видела, как бедная мамочка смотрела на меня грустно-грустно. Я слышала, как она шептала мне, потому что громко говорить не могла:

– Танюшка, прости. Жаль, билеты пропадут в планетарий.

– Мамочка, если они пропадут, то будут неприятно пахнуть, как та колбаска, которую ты вчера выбросила? Ой, мне жаль билетки!

Котофей спокойно наблюдал за нами. И вдруг он сказал:

– Ничего, не пропадут! В планетарий с твоей дочерью, Наташа, пойду я. Собирайся, Татьянус Космонавтович! А мама пусть поспит, ей выздороветь надо.

Народу в звездопарии было очень много. Неужели у всех этих мальчиков и девочек папы тоже космонавты? Здорово! Котофей крепко держал меня за руку и посматривал по сторонам. Сначала мы пришли в огромный зал. Я увидела здоровенные шары, но это были ненастоящие планеты. Слово, похожее на конфеты, кажется – макеты. Тётя рассказывала нам с Котофеем и всем остальным о Солнечной системе.

Вдруг я увидела звёзды. Такие же, как у меня в коробке дома, и парочка в кармане, я их взяла из дома на всякий случай. Но эти были очень большие. Они лежали на подставках. Я так обрадовалась, что не удержалась и, вырвав свою руку из Котофеевской руки, подбежала поближе к звёздам.

– Смотрите, смотрите, звёзды! Откуда они у вас? Тётя, вы их тоже нашли в песочнице, как и я?

– Нет, девочка, это метеориты. Камни буквально с небес упали на землю.

– Я же говорила – говорила, что они с неба! Мама тоже их камнями называет. Знаете, кто эти звёзды бросает на землю? – заявила я, став в позу сахарницы, подбоченившись и задрав нос. – Мой папа! Он космонавт. У него этих звёзд в небе полным-полно. Ему не жалко.

Тут дядя Котофей не дал мне договорить, взял снова за руку и увёл в другой зал.

– Татьяна, это что за поведение? Даже в твоих бурных фантазиях должна быть мера, – строго сказал он и быстро-быстро зашевелил усами.

Я опустила голову и грустила. Но долго грустить мне не пришлось. Мы пришли в другой зал. Он был ещё больше прежнего. Много сидений, как в кинозале. Мы тихо сели и стали ждать. Потом выключили свет. Пришлось крепче взять за руку Котофея, а вдруг ему станет страшно?

Я думала, что включают кино, а включили ночь. Все увидели звёздное небо. Так много ярких звёздочек я ещё никогда не видела! Тётя снова что-то рассказывала, а я внимательно смотрела на небо. Где-то там мой папа. Жаль, что я его ни разу не видела. Почему только он не прилетает к нам с мамой? Непонятно.

Насмотрелась я вволю. Потом дядя Котофей повёл меня в другой зал.

И тут я не поверила своим глазам, я увидела папу. У меня дома на картинке в книжке про космонавтов был нарисован космонавт в серебристом скафандре и с огромной стеклянной головой. Почти такой же стоял сейчас передо мной. Только кто же спрятал папу за стеклом в этом звездонарии?

– Дядя Котофей, смотри! Это же мой папа! Папа, папа!

Я начала стучать по стеклу. Котофей пытался взять меня за руку, но я вырывалась и снова звала папу. Почему он не приезжает так долго к нам с мамой? Вот почему. Он стоит здесь и не может даже пошевелиться. Как ему помочь? Мне стало так обидно и страшно, что я не сдержалась и заплакала.

– Папа, папочка. Пойдём домой. Выходи оттуда. Дяденька Котофей, пожалуйста, вытащи оттуда папу. Я тогда больше не буду называть тебя Котофеем!

– Таня, это всего лишь скафандр для космонавта. Пойдём дальше. Тут ещё так много интересного.

– Самое интересное здесь! – кричала я. – Здесь мой папа!

Я зывала очень громко. Смотрела на папу и не понимала, почему он меня не слышит. Котофей, наверно, испугался, сказал мне стоять здесь и никуда не уходить. А сам куда-то быстро ушёл.

– Папа, пойдём домой, – причитала я уже значительно тише. – Там мама болеет. Мы её сегодня лечили, но она всё равно кашляет и не говорит громко. Только шепчет. Может, ты ей поможешь? Подари ей тоже звёздочку. Она и выздоровеет.

Папа всё равно молчал.

Сколько я так простояла на одном месте, не помню. Прислонившись лбом к холодному стеклу и, вздрагивая от икоты, я смотрела на папины ноги. Подбежал Котофей, дал мне бутылку с минеральной водой. Икота мешала пить.

– Пойдём домой, Татьянус, – сказал дядя Котофей.

– Пойдём.

Мы уже почти вышли из зала, как мне захотелось вернуться. Я снова вырвалась, подбежала к папе, достала свои звёзды из кармана и бросила на пол.

– Я больше не хочу собирать твои звёзды. Забери их обратно.

Новогоднее перемирие

Мы с моей сестрёнкой Милой любим спорить. Не проходит и дня, чтобы я не кричал на неё, доказывая что-нибудь. Но взрослый и грамотный взгляд шестилетнего брата ей абсолютно не важен. Наши споры заканчиваются тем, что я могу не сдержаться и замахнуться на неё. Подниму руку и смотрю на Милку, строго прищутив глаза и сжав губы. Это всё, что я могу себе позволить, ведь мужчины не бьют женщин, а мальчишки девчонок тем более.

Милка же никогда не сдерживается. Ей мало того, что она делает мне обидно, она ещё и больно может сделать. Моя младшая сестрица и замахивается на меня, и щипается, и толкается, и даже может укусить своими молочными острыми зубами.

Ей три с половиной года, должна же она уже повзрослеть когда-нибудь? Но у меня такое ощущение, что ей всего лишь три. Какая же глупая моя сестра!

Самое неприятное то, как она меня называет. Папа строго зовёт меня или Александром Владимировичем, или просто – сын. Мама ласково и с улыбкой называет меня Сашенькой или Шуриком. Вот именно второй вариант и выбрала моя сестра. Но только из-за больших проблем с буквами, которые она не выговаривала, Милка произносила так:

– Мой блат Сулик.

Другие варианты её не устраивали. Потом она конечно научилась произносить звук Р, но этот Сулик приклеился ко мне, как скотч к бумаге.

По дороге домой из детского садика мы вместе с мамой зашли в торговый центр. Большой и разноголосый магазин, в котором все суетились и бежали наперегонки в разные стороны, был празднично украшен к новому году. Мама говорила, что очень любит праздновать Новый год.

Её глазки горят, когда она смотрит на украшенные ёлки, которые выстроились в витрине магазина как солдатики на параде. Такие же наряженные, блестящие и стоящие прямо и гордо.

От восторга мама охает и ахает, всплескивает руками и улыбается. Она такая хорошенькая, наша мамочка. Я просто заглядываюсь на неё снизу вверх. Но когда я опускаю глаза и вижу Милку, тоже расплывшуюся в улыбке, то мне тут же расхочивается, ой нет, мне расхочивается... В общем, мне уже не хочется самому улыбаться.

Милка, как и мама, очень любит Новый год. Конечно! Ей Дед Мороз всегда дарил те подарки, о которых она мечтала. Чудесным образом Милкины пожелания сбывались всегда. И, кстати, не только в Новый год. На протяжении всего года стоит моей младшей сестре сказать волшебное слово «Хочу!», как мама с папой бегут исполнять все её пожелания. Вот и сейчас сестрица улыбалась, хитро прищурившись и поглядывая на огромный кукольный дом.

– Сулик, смотри, какой красивый дом!

– Никакой я тебе не Сулик. Я для тебя Александр Владимирович, запомнишь ты это когда-нибудь?

– Нет, ты Сулик, Сулик, Сулик, Сулик! – запричитала Милка и топнула ногой.

Я молча втянул носом воздух. Наверно, с воздухом я набрал и терпения, о котором часто напоминает папа. Он всегда говорит: «Александр, наберись терпения!» Я набрал его побольше, потом шумно выдохнул и за маминой спиной показал Милке кулак. В ответ сестра показала мне свой розовый язык, сморщив одновременно нос и зажмурившись.

– Я скажу твоему Деду Морозу, чтобы он вместо кукольного дома принес тебе танк! – прошептал я Милке.

– Не нужен мне твой танк! Забери его себе.

– Спасибо, Милочка! Ха-ха. А ты останешься без подарочка в этом году.

– Мама, – захныкала сестрёнка, – Сулик хочет обмануть Дедушку Мороза!

– Нет никакого Мороза, Милка! – зло сказал я.

– Дети, не ссорьтесь! – сказала нам мама, она словно не замечала вокруг ничего, кроме новогодней красоты. – Смотрите, как волшебно! До Нового года осталось всего лишь два дня, Сашенька, Милочка. Какое прекрасное ожидание праздника! Ладно, пойдёте домой. Вы, наверно, голодные?

Тут мы с мамой согласились сразу. Дома мама накормила всех вкусным ужином. Нас и в садике кормили, но, по-моему, там готовят грустные повара. Мама как-то раз сказала, что когда готовишь с любовью и смехом, то еда получается очень вкусной. И мне кажется, что наши повара смотрят грустное кино, когда готовят нам еду. Я прямо вижу, как они зевают или плачут, вытирая слёзы фартуком и одновременно помешивая громадным половником в великанской кастрюле. Нам воспитатель рассказывала, что детей в садике много и поэтому еды, приготовленной в маленькой кастрюле, нам не хватит на всех. На кухне всё гигантское. Наверно, и повара высокие и сильные. Но грустные. И еда от этого тоже скучная. Тушёная рыба с морковкой точно фу!

А мама всегда поёт нам, когда готовит еду, или рассказывает смешную историю. Съев по большой весёлой котлете, мы пошли в свою комнату. За окном медленно кружился снег. Снежинки нехотя гонялись друг за другом, сталкивались и разлетались в разные стороны. Мы с Милкой, прислонившись носами к окошку, смотрели на то, как забавно играют снежинки.

– Сулик, а если Дед Мороз смотрит на нас?

– Нет никакого Деда Мороза! – сказал я, но потом, немного подумав, тихо-тихо добавил: – Хотя, по-моему, я его уже вижу...

Милка взвизгнула и бросилась в свою кровать. Она натянула одеяло на голову так, что пятки остались неприкрытыми. Я торжествовал. Сейчас кто-то получит и за Сулика, и за кукольный дом. Я тихонько подошёл к кровати моей сестры и дотронулся до её пятки.

Визг, раздавшийся в нашей комнате, мог бы оглушить роту моих смелых солдатиков, мирно спящих в коробке. У меня в ушах зазвенело так, что я неожиданно замер, открыв рот. Какое-то время я ничего не слышал, а только видел, как в комнату вбежала взволнованная мама, а вслед за ней вошёл строгий папа...

Разговор с нами был короткий. Папа не любит объясняться с нами долго, как это делает мама. Очень и очень скоро мы с Милкой лежали каждый в своей кровати и старательно делали вид, что сон для нас сейчас самое главное в жизни. Папа ещё немного постоял в нашей комнате и потом, заглянув в окно, сказал:

– Красота какая на улице! Точно Дед Мороз уже торопится к нам. Но только если кое-кто будет слушаться.

Создав интригу, папа вышел из комнаты, оставив нас с сестрой в раздумьях. Нам не спалось.

– Сулик, а, Сулик? – первой начала Милка.

– Чего тебе?

– А почему ты не веришь в Дедушку Мороза?

Я долго лежал, не зная, что ответить сестре.

– Ну, не верю и всё, – вздохнув, ответил я. – Помнишь, в прошлом году мне он под ёлку положил самолёт?

– Помню, Сулик.

– Так вот, хочешь, тайну расскажу?

– Хочу, – еле дыша прошептала Милка.

– Я его не заказывал! Я хотел работа, – зло, поджав губы, прошептал я.

Мила ахнула и прикрыла рот руками.

– Мало того, Милка, – продолжал я обиженным тоном, – недавно в садике я видел, что у Деда Мороза на утреннике под шубой на ногах знаешь что было?

– Что? – Милка была ни жива ни мертва.

– Кроссовки!

Наступила такая тишина, о которой в другое время я бы только мечтал. Ведь заставить сестру помолчать – это всё равно что попросить её выпить стакан кефира. Она его очень не любит. А тут так тихо стало. Я услышал тиканье часиков-ходиков, которые висели на стене.

– Ладно, давай спи уже, – наконец нарушил тишину я.

Но ответом мне было тихое сопение сестры. Мила заснула, а мне стало как-то стыдно. Ведь сестрёнка ещё маленькая. Ладно, я взрослый уже. Но она ещё верит в чудеса. Как мог я так поступить с собственной сестрой? И про самолёт я, наверно, зря сказал.

Несмотря на то что я и не посылал тогда письмо Деду Морозу по причине моего абсолютного неумения писать, но про самолёт говорил маме. Хоть я и не верю в Мороза, но он и не заставлял меня верить в себя. Он мог просто услышать мой разговор про самолёт. Как всё странно!

И тут я решил во что бы то мне ни стало исправить свою ошибку и доказать Милке, что чудеса есть. Пусть она верит в Деда Мороза себе на здоровье. До Нового года осталось совсем немного. Надо успеть придумать хитрую хитрость.

А сейчас мне уже хочется спать. Мысли смешались в моей голове. Завтра я обязательно должен придумать шикарный план, как обмануть Милку, чтобы она ещё больше поверила в чудеса. Вот будет смешно!

Подготовка к празднованию Нового года длилась так же долго, как и время тихого часа у нас в садике. Послеобеденный сон в детском саду тянется, как резинка. Не люблю спать днём. Стоит мне пошевелить рукой или ногой, как я тут же слышу от воспитателя:

– Так! Это что такое?

Мне, конечно, тоже интересно узнать, что же там такое случилось? Но я стараюсь лежать тихо.

Последний день уходящего года был очень весёлым. Мама с папой повезли нас смотреть мультфильм в кинотеатр. Потом мы развлекались на аттракционах, а также ели пирожные и пили сок. Если бы не мои раздумья о том, как разыграть новогодней ночью Милку, то я был бы самым счастливым. Я всё время думал, думал, думал. Когда мы ехали домой, я уже придумал интересный план!

Мама суетилась у новогоднего стола, папа помогал ей. По телевизору шутили, танцевали и пели весёлые песни. Какие-то смешные дяди надели шапочки Хрюши и Степашки из всем нам известной передачи. Мама всё никак не могла уложить нас с Милкой спать. Нам хотелось праздновать всю ночь. Нам зевалось так, что рот не закрывался и глаза слипались. Но в то же время хотелось ещё больше праздника. К тому же я мечтал обхитрить сестру. Мне надо было пробраться одному в нашу с Милой комнату.

– Милочка, тебе пора уже спать, – сказала мама.

– Ну, ещё секундочек двести, мамочка! Ну, пожалуйста!

– Если только двести, и ни секундой больше, – улыбнулась мама.

А я в это время тихонечко проскользнул в детскую. Мне надо было набрать за окном, на подоконнике, немного снега и потом разбросать его по комнате, будто Дед Мороз приходил. Милка пришла бы спать, увидела бы снег и в обморок упала бы от счастья. Так мне казалось.

Я достал кастрюлю, заранее спрятанную под кроватью. Мама, к счастью, не заметила пропажи. У неё много кастрюль. Потом тихонечко подошёл к окошку, приоткрыл его и стал собирать снег с подоконника в кастрюлю. Пора бы уже Милке спать идти, иначе снег растает. Я насторожился. Слышу, Милка хохочет. Значит, мама и папа её всё ещё уговаривают идти спать. Тогда и мне пора разбрасывать снег в комнате, чтоб сестра поверила, что Дед Мороз побывал у нас в комнате.

Я наклонился и стал высыпать снег из кастрюли. Вдруг кто-то несильно толкнул меня сзади, и я от неожиданности чуть не выронил кастрюлю из рук. Нет, я не трус, конечно! Но тут

мои коленки затряслись сами по себе, будто это вовсе не мои коленки, а заячий хвостик. Медленно я повернулся назад, не выпуская кастрюли из рук. Тот, кто стоял сзади, тоже медленно поворачивался в мою сторону. Было темно, потому что я не включал свет. Лишь огоньки на ёлочке слабо освещали детскую. Мама нарядила нас с Милой небольшую ёлочку.

– Ты кто? – выдохнул я.

– А ты кто? – низким и грубым голосом спросил кто-то меня.

– Я Сулик, – ответил я, совсем забыв о том, что не люблю, когда меня так называют. А тут вдруг сам представился этим именем.

– Ты что тут делаешь, Сулик? Вы же с сестрой собирались всю ночь не спать, а праздновать Новый год?

Я часто заморгал, пытаясь привыкнуть к темноте.

– Да вот, снежок тут разбрасываю.

– Ага! Сестрицу обманывать вздумал! И когда же это я снега в квартиры наносил столько? Я всегда аккуратно приходил. Кроме подарков, больше ничего не приносил.

– К-к-кто это я? – еле слышно задал вопрос я.

– Я, это я! Дед Мороз. Что, не веришь? Я слышал, тебе не понравился прошлогодний подарок, который я принёс?

Ноги мои не могли больше удерживать меня с кастрюлей. Опустив её на пол, я сел сверху. Я не верил ни своим ушам, ни глазам. Передо мной стоял настоящий Дед Мороз в шубе. Длинная белая борода, усищи, густые брови, красная шуба, шапка, надвинутая до бровей. Но вид у него был предобрый. Дед Мороз пытался меня устыдить, но глаза его смеялись. Только мне было не до смеха. Я сидел на кастрюле с растаявшим снегом, как карапуз на горшке.

– Так, понравился тебе мой подарок или нет? – продолжал Дед Мороз.

– Дедушка, понравился, ещё как! Сейчас я тебе покажу тот самолётик.

Я соскочил и бросился к ящику с игрушками. Долго искал самолётик. Наконец нашёл его и расстроился. Самолёт был сломан в двух местах.

– Не расстраивайся, Сулик. Закрой глаза, а потом смотри...

Пока я стоял с закрытыми глазами, Дед Мороз дунул на самолёт, и игрушка тут же снова стала целой. Я не верил в происходящее.

– Вот это да... А что ты ещё можешь, Дед Мороз?

– Всё могу, вот только не могу заставить тебя поверить в меня и в чудеса. И кроссовки тебе мои не понравились, видите ли. И с сестрой ты ссоришься постоянно. А ведь ты старший брат. Маленьких обижать нельзя. Всегда-всегда заступайся за сестрёнку и никому не давай её в обиду.

– Обещаю, Дедушка.

– Я объявляю новогоднее перемирие! Ты согласен?

– Согласен, конечно.

– А теперь иди, Сулик, к родителям и никому не говори, что видел настоящего Деда Мороза.

– Никому-никому!

Я быстро закивал головой и пулей выскочил из детской.

Мама продолжала уговаривать Милку идти спать, а папы в комнате не было. Я думал, как мне поступить дальше. Только я закрыл дверь в детскую, я понял, что скрывать увиденное не смогу. Я встал перед дверью и громко объявил:

– Я только что видел Деда Мороза! Милка, ты была права, он существует. Я больше не буду обижать Милу. Сестра, прости!

Зевнув, я почувствовал, что засну сейчас даже стоя. Мама подошла ко мне, потрогала лоб рукой и, позвав строго Милку, отвела нас в детскую...

На следующее утро, когда закончилась прошлогодняя ночь и наступил новый день нового года, мы с Милой обнаружили под нашей ёлочкой несколько коробок с подарками. В одной из них лежал совершенно прекрасный робот. Я подошёл к довольной сестре, которая уже нянчилась с новенькой куклой и укладывала её в кукольный дом, и сказал:

– Какие же мы с тобой молодцы, что верим в Деда Мороза!

Василёк и детский сад

Что такое детский сад?

Детский сад. Детский сад. Мама и папа целыми днями повторяют эти странные слова. Мама охает и ахает, папа делает ей замечания по этому поводу. Он говорит ей, что у нас в семье растёт настоящий мужик. Поэтому все мамины слёзы совершенно неуместны. Так говорит папа.

Но я-то точно знаю, что никакого мужика у нас нет. И нигде он не растёт. У нас растут только цветы в горшочках на подоконнике. Мама их поливает и ласково с ними разговаривает. Вытирает листья влажной салфеткой. Она всегда так радуется новому распустившемуся цветку! И я радуюсь. И вообще, когда маме весело и хорошо, тогда хорошо и мне. Я очень люблю свою мамочку.

Честно вам скажу, я сегодня полдня искал мужика, который где-то у нас растёт. Но так и не нашёл. Надо спросить у папы, где он его видел в нашей семье.

О детском садике я слышу уже давно. И когда ходили с мамой к доктору, и когда мама разговаривала с подругой, тётёй Мариной, они часто называли эти слова. Я держал маму за ручку и смотрел на них снизу вверх. Тётя Марина рассказывала о своей дочери Машке.

Как Машке хорошо в этом странном детском саду, и как много у неё там друзей, как она ест манную кашу и просит добавки. Фу, манная каша! Нет ничего противнее её. Она очень часто появляется у меня на тарелке во время завтрака. Мы с ней не любим друг друга. Я ей показываю язык, пока мама отворачивается. А каша смотрит на меня большим белым пятном. Смотрит и ждёт, когда я возьму ложку и зачерпну немного. Потом она отправляется ко мне в рот, и мы всё ещё не любим друг друга. Каша никак не хочет проглатываться. Неужели Машка любит есть её? Не верю.

Детский сад – это, наверно, место, где выращивают детей. Если его называют садом, значит, в нём что-то растёт? А ещё я слышал, что в садике есть какие-то горшки и на них высаживают малышей.

Наверно, в этих горшках и растут дети. Что-то мне не хочется туда идти! Вместо того чтобы играть, бегать и веселиться, как я люблю делать это дома, мне придётся весь день стоять в горшке. Или сидеть. Нет, мамочка, не делай этого. Мне уже очень не хочется туда идти! Я теперь понял, почему мама иногда плачет, когда они с папой ведут разговор об этом странном садике. Я слышал, что там есть чужие тётки и они забирают детей от мам. Неужели для того, чтобы посадить в горшок и выращивать.

А может, это не детский, а дедский сад? И там ходят старые дедушки, опираясь на палочки? И они тоже едят манную кашу. И их тоже чужие тётки забирают от бабушек, чтобы высадить в горшочек? И дедушки плачут, не хотят, чтобы бабушки оставляли их одних.

Ой, что-то я совсем запутался. Может быть, я не прав? Завтра, когда мама меня в первый раз поведёт в это страшное место, я всё узнаю сам.

Разговор с папой

– Василёк, сыночек, просыпайся. Нам пора собираться в детский садик.

Мама будила меня и целовала в щёки. Она не знала, что я уже давно не сплю. Сначала я посмотрел сон про этот детский садик. Мне снились Машка и огромные горшки, полные манной каши. Потом я разбудил своего верного пса Дружка. Он хоть и игрушечный, но всё понимает.

Я, когда рассказываю ему что-нибудь, он смотрит на меня широко открытыми глазами. Слушает и смотрит не мигая. Он очень верный. И поэтому я не мог не разбудить его в такой важный для меня день. Дружок смотрел на меня не отрываясь и очень хотел пойти со мной в садик.

– Нет, Дружок, я не могу рисковать своим лучшим другом. Я сначала сам схожу туда на разведку. Ты подожди немного меня дома. Мама говорит, что я ненадолго в сад. Может, меня и в горшок не успеют посадить. Я только одним глазком посмотрю на этот садик и приду к тебе. Не грусти!

Дружок всё же загрустил. Когда я поднимался с кровати, он упал головой вниз и, скорее всего, собрался пролежать так до моего прихода домой. Он, наверно, уже тосковал без меня. Но я поднял своего друга и посадил его на маленький стульчик.

На спинке стула висели мои новые штаны и рубашка. Когда я примерял эту одежду недавно, был очень привлекателен. Надеюсь, чужие тётки в садике посмотрят на меня и я им очень понравлюсь. И тогда они не станут сажать меня в горшок, а поскорее отдадут маме. Я очень на это надеюсь.

Папа, откашлявшись, с серьёзным видом подошёл ко мне. Я немного переживал. Папа это заметил. Он присел на корточки и взял меня за плечи.

– Сын! Ты теперь взрослый. Ты знаешь, что каждый день я хожу на работу. Теперь наступила и твоя очередь. Василий, ты теперь тоже будешь работать. Ребёнком в детском саду.

Неужели там ещё и работать надо? Я молчал и не знал, что сказать на это.

– Так что ты стал настоящим мужиком! Я очень тобой горжусь!

– Папочка, так этот мужик – я?

– Конечно!

– И у нас в семье больше нигде не растёт чужой настоящий мужик?

– Конечно же нет!

– А я думал... и искал его везде...

Не знаю, что такого сказал я, но мама с папой захохотали.

Им было весело и мне тоже. Папа пожал мне руку.

Перед уходом мама поцеловала папу. Потом посмотрела на меня и вздохнула. Взявшись за руки, мы отправились с ней в неведомый детский садик.

«Светлячок»

Ярко светило весеннее солнышко. Вокруг гуляли свободные дети с мамами. Они не торопились никуда. Они ещё не ходили в садик, а гуляли там, где им хотелось. Мальчишки и девочки ходили по песочнице и копали песочек лопатками. Периодически они напоминали друг другу, что нельзя брать чужие игрушки. Конечно, некрасиво драться, но как ещё объяснить, что этот совок твой и больше ничей. Ну вот, перекопают весь песок, пока я работать в садике буду!

Мама сказала, что сегодня мы поиграем в садике с детками на прогулке. Она успокоила меня тем, что будет вместе со мной, чужой тётёй, которую называют воспитательницей, и с детьми гулять на прогулке. Я сразу пошёл увереннее. Так работать я согласен. Когда рядом надёжный тыл, я согласен отправляться в бой. Так говорил мой папа, а я запомнил. Сегодня пригодилось.

Наконец мы пришли. Мама сказала, что садик называется «Светлячок». Может, он тоже светится в темноте? На улице никого не было. И мы решили прогуляться вокруг садика. Я шёл важно и гордо. Работа всё-таки. Надо соответствовать.

Сколько было вокруг интересного! Один большой домик, а вокруг него много маленьких. Это я потом узнал, что маленькие домики – веранды для разных групп. Качели, карусели и мои любимые песочницы. А сколько песка было в них! Работать можно хоть весь день. Какие-то разноцветные колёсики, зарытые наполовину в землю. Может, там, под землёй они зарыли настоящие машины? И теперь видны только половины колёс! Страшное место.

– Мамочка, а они, что ли, машинки в землю зарыли? – спросил я.

– Что ты, Василёк! Это шины, через них очень весело перепрыгивать. Хочешь, покажу?

Но мама не успела мне показать, как перепрыгивают через зарытые в землю бедные машины. На улицу стали выходить ребяташки с питателями. Ой, с воспитателями. Их не выносили в горшочках, они шли сами, держась за руки. В каждой паре мальчик и девочка. Это мне понравилось. Я девочек люблю. На всякий случай я покрепче взял маму за руку. Вдруг она забыла про обещание играть со всеми на прогулке?

Плаксивая Рита

Воспитатель оказалась красивой тётёй. Хоть она и чужая, но что-то в ней мне понравилось. Она сказала, что зовут её Наталья Сергеевна, и улыбнулась мне. Опустив голову, я стал ковырять носком ботинка песок. Наталья Сергеевна начала знакомить меня с детьми:

– Это Саша, посмотри, какая у него красивая машинка.

Саша был какой-то очень рыжий. Словно одна большая веснушка. Он тут же спрятал свою красивую машинку за спиной и показал мне язык. Я от неожиданности открыл широко глаза, как мой верный пёс Дружок. Я не просил Сашу показывать мне свой язык. Я ведь не тётя доктор. Не надо мне этой машинки. Жадина Саша!

– А это Полиночка, она очень добрая девочка.

Толстые щёки Полины говорили о том, что ещё она любит поесть. Наверно, она ест много манной каши. Полина надула щёки и не отрываясь смотрела на меня. Я засмутился и отвернулся.

Потом мне назвали имена всех детей и представили меня. Пока я не запомнил, как их всех зовут. Толстые и худые, добрые и не очень, никто из них не плакал. Все занялись своим делом. Им папы, наверно, тоже сказали, какие они большие. И все спокойно работали детьми.

Я тоже решил немного увлечься работой. Подошёл к песочнице. В большой корзине с игрушками мама нашла мне совок и ведёрко. Пока она разговаривала с Натальей Сергеевной, я копал песок.

Рыжий Саша стоял недалеко от меня и всё так же прятал свою машинку. Он пристально смотрел на меня, готовый отскочить в любую минуту подальше. Я так и не увидел, какая машинка за спиной у жадины. Я просто улыбнулся Саше, и он тут же отошёл подальше.

Вот и хорошо, буду ему почаще улыбаться, чтоб не лез ко мне. Я показал ему совок, высоко подняв его над головой. Я хотел сказать ему, что мне не нужна его загадочная машинка. Но рыжий мальчик подумал, что я хочу побить его, и вдруг заплакал. Фу, мужчины не плачут! Когда же мне на самом деле захотелось ударить Сашу совком, произошло вот что.

На участок, где работал я с мамой, Натальей Сергеевной и ребятами одна тётя вела девочку. Девочка громко плакала и явно не хотела идти к нам. У неё было красное, мокрое от слёз лицо. Наталья Сергеевна сказала моей маме, что Рита, так звали девочку, тоже новенькая. И ходит она совсем недавно, но никак не может привыкнуть к садику. Рите нет ещё трёх лет, она очень маленькая. Не то, что я – взрослый трёхлетний парень!

Я с ужасом смотрел на Риту и на её растерянную маму. Что-то от меня точно скрывают. Всё-таки здесь что-то не так. Рите видней.

Рита не слушала ничьи уговоры. Наталья Сергеевна пыталась поговорить с ней и отвлечь девочку игрой. Но маленькая плакса никого не слушала – ни маму, ни воспитательницу. На Риту стали все смотреть. Смотрел и я.

Забыв о том, что я уже взрослый и нахожусь на работе, я заплакал тоже. Заберите ваш совочек и ведёрко, мне ничего не надо! Я хочу домой!

Я стал плакать так же громко, как и Рита. Мы плакали друг для друга. Она – не знаю почему, а я с ней за компанию. Это было здорово! Мне понравилось так голосить. Но почему-то мама, попрощавшись с Натальей Сергеевной и ребятами, взяла меня за руку и повела домой.

Я шёл счастливый и такой же красный, как Рита. Прошёл первый день моей работы. Мне понравилось. Жаль только, мама шла быстро и не давала мне радоваться жизни. Меня не посадили в горшок, не оставили в садике навсегда. Я шёл домой. И нет в садике старых дедушек, а есть жадные рыжие мальчишки и толстые девчонки. А также есть плаксивая девочка Рита. Завтра мы с ней ещё раз поплачем вместе.

Приглашение в группу

Когда папа пришёл домой со своей работы, я хотел ему рассказать про мою сегодняшнюю работу. Но мама, видимо, опередила меня. Папа знал о моих успехах. Но почему-то был немножечко злой. Мы с ним долго разговаривали о том, что мужчины не плачут.

Я радостно пожаловался ему, как плохо вёл себя рыженький Саша, как он прятал машинку, которую я так и не видел, как Саша плакал. Но о том, что я лил слёзы вместе с Ритой, об этом я не стал рассказывать. Папа сам спросил меня:

– А почему ты плакал вместе с Ритой?

– Мне её так стало жалко, папочка! Я просто решил поплакать с ней за компанию. Что ли нельзя было так делать?

Папа всё-таки взял с меня настоящее мужское слово больше так не делать. Я не должен расстраивать маму. А я и не знал, что она так переживала.

Ещё несколько дней мы с мамой приходили в садик на прогулку. Рита плакала каждый раз, но я стойко держал слово, данное папе. Больше я не плакал в поддержку девочки.

Потом нас пригласили в группу. Готовясь к посещению группы, я продумал всё серьёзно. Вдруг у них в садике будет мало игрушек? Или вообще их там нет? Я приду поиграть, а мне, кроме горшка, и не покажут ничего.

В свой рюкзачок я сложил три машинки, мячик-попрыгунчик, паровозик без одного колеса, ничего, он всё равно хороший, мягкого медвежонка и книжку. Всё самое необходимое. Дружка я ещё не решился взять. А вдруг у него случится стресс, как у Риты.

Плачущего Дружка я ещё никогда не видел, но представить это могу с лёгкостью. Поэтому лучше я поберегу своего любимого друга. Как только я привыкну к садiku, всё ему расскажу. И если Дружок захочет пойти вместе со мной, вот тогда я его точно возьму.

Жаль, но утром мама потихоньку вытащила всё моё богатство из рюкзачка. Она оставила только медвежонка. Что ж, мой маленький Тедди, нам с тобой вдвоём предстоит провести весь день на работе в саду. Зато мама взяла полный пакет с одеждой для меня. Там было так много трусиков и маек, шортиков и футболок. Меня всё-таки отдадут навсегда?

Зачем так много? Или мои трусики будут носить другие дети? Может, мама хочет подарить их рыжему Сашке, Павлику или толстой Полинке? Хотя девчонки не носят настоящих мужских трусов. Я расстроился, но говорить ничего не стал. Посмотрю потом, в группе. Отобрать своё я всегда смогу.

Сколько тут игрушек!

Пока мама переодевала меня в раздевалке, я видел некоторых ребят. Мы познакомились с ними на прогулке. Они спокойно снимали уличную одежду и надевали групповую. Не так уж и весело было смотреть на этих ребят. Гораздо интереснее было видеть, как плачет Рита и плакать вместе с ней. Я, конечно, обещал папе вести себя как настоящий мужчина. Но, может быть, это касается только прогулки? А в группе можно?

Я зашёл в огромную комнату и остановился. В моей детской такого не увидишь. Игрушек было столько, что за целый день не переиграть ими всеми. Даже если уделить каждой по несколько минут. Про своего маленького Тедди я тут же забыл.

На полках сидели куклы и мишки, какие-то лохматые чудики и Чебурашки. Их почему-то оказалось два. Я не знал, что у Чебурашки есть брат близнец. У окошка стояли кукольные кухня, шкаф и кровати. Недалеко от кухни расположились гаражи с большим количеством машин. Огромные коробки с красными, синими, зелёными кубиками. Две лошадки-качалки и три самосвала, которые смотрели на меня своими фарами.

Я стоял посреди группы и покусывал ноготь на пальце. Что мне делать со всем этим добром? Как тут много игрушек! Когда же я успею со всеми ними поиграть? Придётся снова сюда прийти. Воспитатель Наталья Сергеевна, улыбаясь, предложила мне пойти поиграть с детками.

– А чьи это игрушки? – робко спросил я.

– Это общие игрушки. Для всех ребятшек.

– И, значит, для меня тоже?

– Ну конечно же! Играй, пожалуйста. Бери любую игрушку, она твоя.

Долго уговаривать меня не пришлось. Раз уж это всё мое, значит, приходиться снова не придётся. Я знал, что надолго мама меня здесь не оставит и скоро мы отправимся с ней домой. А ещё я знаю, что, когда папа приходит с работы, он всегда приносит подарки. Мне или маме. Мы очень любим подарки. И сейчас же мне так захотелось сделать подарок папе и маме. Я окинул взглядом группу...

Что произошло потом, лучше не рассказывать. Я нарушил своё слово, данное папе. Я плакал. Громко и как положено обиженному человеку. Рита, которая уже привыкла к садику и играла спокойно с куколкой, быстро вспомнила про слёзы.

Когда я стал собирать игрушки в самосвал и отвозить в свой шкафчик, все сначала просто наблюдали за мной. Потом я начал отбирать свои игрушки у детей. Воспитательница сказала ведь, что это всё моё.

И я сразу же не захотел делиться своим добром с другими. Все мои игрушки из группы я стал подвозить на самосвале к шкафчику в раздевалке. То-то обрадуется мама! Столько подарков они с папой ещё не видели никогда. Папа будет опять гордиться мной.

Бессовестные дети стали плакать и просить вернуть им игрушки. Наталья Сергеевна тоже просила вернуть всё обратно и играть в группе. Громче всех голосила Рита. Когда они потребовали мои игрушки обратно, обиделся я и совершенно серьёзно пообещал больше не приходить в эту дурацкую группу.

– Ну и играйте моими игрушками, жадины!

Когда пришла мама, мы долго расставляли всё на полках вместе с Натальей Сергеевной. Мама почему-то извинялась и краснела. Может, ей было просто жарко? В группе было очень тепло.

Дома у нас с папой опять состоялся серьёзный разговор. Я рассказал ему, почему не получилось принести домой подарки. Папа опять был хмурый и не очень весёлый. Наверно, ему тоже было жалко, что он всё-таки не поиграл моими игрушками из детского сада.

– Не переживай, папочка! Приходи ко мне в садик, и я поделюсь с тобой обязательно!

Василёк и зоопарк

Мы идём в зоопарк

Мне сегодня мама прочитала книжку о зверятах. О тигрёнке, страусёнке, пингвинёнке. Я ел грушу и искоса поглядывал на этих мохнатых.

– Какие они хорошенькие, эти нарисованные звери, посмотреть бы на них! – сказал я с набитым ртом.

– Прожуй сначала и проглоти.

– Не хочу я их глотать, они же могут меня укусить.

– Проглоти грушу, Василёк. А зверушки эти тебя не тронут. На картинке они нарисованные. Вот в зоопарке живут самые настоящие тигры и страусы, медведи и жирафы.

– А те, настоящие, могут меня укусить? – насторожился я.

– Что ты, сынок! Там живут добрые зверушки. У каждого из них свой домик, его ещё называют клеткой или вольером. Животным там хорошо. Их кормят, моют, убирают в их домиках.

– А давай пойдём в зоопарк? Я тоже хочу кормить, мыть зверушек и убирать в их домиках. Давай пойдём, пожалуйста!

– Этого тебе делать не придётся, Василёк, – улыбнулась мама. – За животными ухаживают люди, которые работают в зоопарке. Они всё знают, когда покормить зверей и как за ними ухаживать. Всё-всё-всё! А дети с родителями приходят туда, чтобы полюбоваться братьями нашими меньшими, узнать о них много интересного.

– Ух ты! У меня в зоопарке есть меньший брат? Спасибо, мамочка!

Я слушал маму с открытым ртом. Грушу я съел и не заметил, как рот сам открылся. Наверно, мой язык тоже хотел послушать мою маму.

Потом мама сказала, что когда наступит суббота, мы обязательно пойдём в зоопарк. И я стал ждать, когда же эта суббота наступит. Я, правда, не знал, во что она наступит, как и какой ногой. Или двумя ногами сразу?

Ведь, когда я вчера наступил в грязь после дождика, мама поругала меня за это. Будет ли она ругать субботу? Но, раз мама пообещала, значит, суббота обязательно наступит во что надо!

Зверячий мир

Суббота наступила неожиданно. Я был настолько увлечён работой в детском саду, что и не заметил наступления великого дня. Когда мама меня разбудила, я поднял немножечко шума. Мне хотелось бегать из комнаты в комнату и кричать от радости.

– Мои младшие братья и сёстры, вы ещё ждёте меня? Я иду к вам!

Я бегал до тех пор, пока слабая резинка на пижамных штанах ни лопнула. Я чуть не упал, споткнувшись о свои же штанишки. Только тогда я успокоился. Красный, счастливый и довольный – это я. Мне было так хорошо!

Мама рассказывала мне, что животных в зоопарке очень много. Их привезли из разных стран мира. Тигров, обезьян, слонов. Я вот только не понимаю, как дяди, работающие в зоопарке, могли привезти из дальних стран слонов? С обезьянками всё ясно. Пока они сидели на пальме, её срубили и привезли к нам вместе с обезьянами. Тигра тоже поймать легко. Надо только подразнить его, а потом убежать очень быстро, чтобы злой тигр не догнал дядю. И так бежать до самого зоопарка. Вот откуда тигры у нас.

Но слоны? Как такие большие животные приходят к нам? Где они живут? Что ли, все у них такие большие в их слоновой стране? Слоны на пальмах не сидят, и убежать от них не надо. Как тогда их поймать?

Я так думал и шёл рядом с мамой, держа её за руку. У входа в зоопарк было много тётей и дядей, а также их детишек. Некоторых малявок везли в колясках. Тоже мне, посетители зоопарка! Не то что я, взрослый и умный. Мне скоро исполнится четыре года. Я всё понимаю.

Я грамотный и развитый ребенок. Вот я вырос и пришёл смотреть на братьев своих меньших. Пришёл смотреть на зверячий мир. Ой, нет, на зверячий мир? Нет, опять не то. Может, я пришёл смотреть на зверучий мир, на зверинский или зверовый?

– Мамочка, что-то я забыл, – обратился я к маме. – Куда мы попали? Это чей мир? Ты же говорила, что это мир. А чей?

– Животный мир, Василёк. Животный.

Фух, хорошо, что вспомнил. Нет, я, наверно, тоже ещё не совсем большой. Мне так не терпелось попасть в зоопарк.

Но мы с мамой долго стояли в большой очереди в какое-то окошко. Все подходят к нему, заглядывают внутрь, что-то туда кладут. Может, там сидит животное и его все кормят? Печеньем или капустой. Что вообще делает зверушка в том окне? Мне стало так интересно. И я громко спросил у мамы:

– Мамочка, а кто в этом окошке сидит? Обезьянка или слоник? Можно я посмотрю?

Мама, вместо того чтобы поднять меня и показать зверушку в окошке, почему-то стала немного злая. Она не ответила мне ничего. Её щёки стали такими красивыми – ярко-красными. Вокруг все смеялись. А из окошка, как птички, вылетели билетики. Мамочка быстро повела меня к большому забору. Мы вошли в зоопарк. Ура!

Младшие братья

Зоопарк мне понравился сразу. Только запах у зоопарка был какой-то странный. Пахло коровками моего дедушки. Он живёт в деревне. Вместе с бабушкой Валеё дедушка Саша доит коровок. А они стоят грустные-грустные и жуют жевательную резинку. Потому что если бы они жевали еду, то глотали бы. А так коровка долго и тоскливо жуёт «Орбит» или «Дирол». Точно не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.